

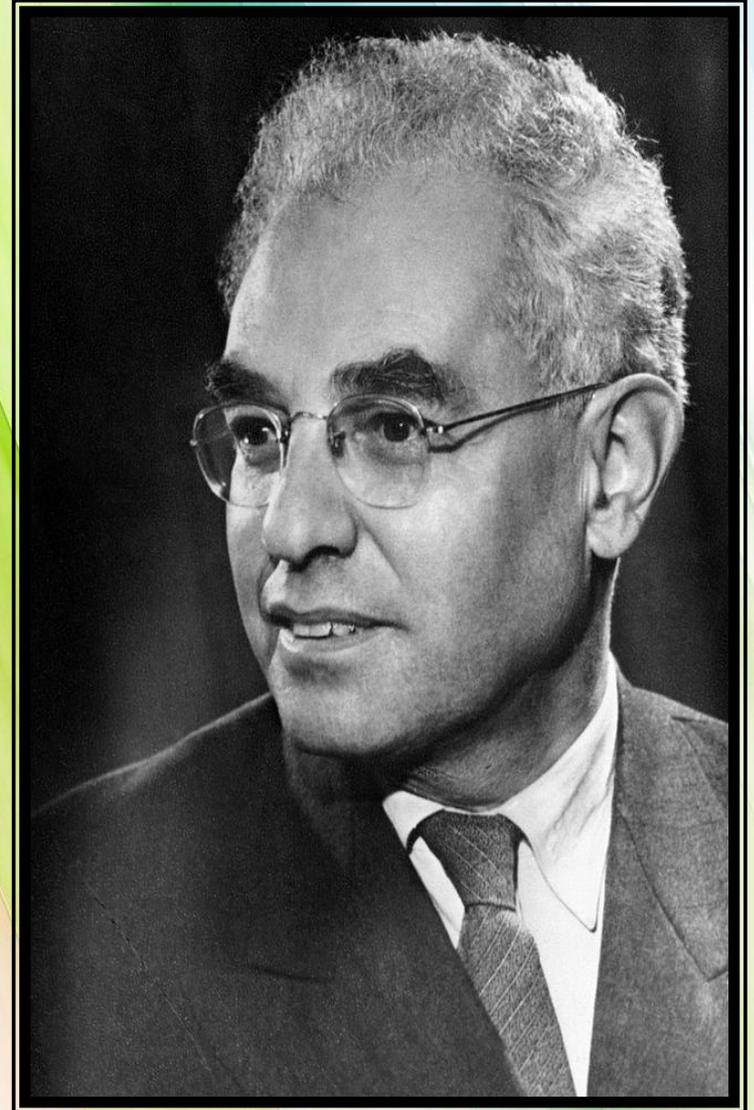

Лурия А. Р.
**МАЛЕНЬКАЯ КНИЖКА О
БОЛЬШОЙ ПАМЯТИ**

Работа студентки 1 курса Рекламы
и связи с общественностью
Семляковой Анастасии

Лурия Александр Романович

- Лурия Александр Романович - российский психолог, специалист в области теории и методологии психологии. Один из создателей отечественной нейропсихологии.*

- Ввел новый метод изучения последствий локальных поражений головного мозга, позволивший по-новому подойти к пониманию нейропсихологических синдромов и предложил новую классификацию нарушений высших психических функций: речи, произвольных движений и действий, памяти, мышления.
- Предложил и опробовал на практике новые методы клинической нейропсихологической диагностики и восстановления нарушенных функций.
- Результаты этих исследований позволили ему сделать существенный вклад в решение сложной междисциплинарной проблемы "мозг и психика".

МАЛЕНЬКАЯ КНИЖКА О БОЛЬШОЙ ПАМЯТИ

Начало

Начало этой истории относится еще к 20-м годам этого века. В лабораторию автора - тогда еще молодого психолога - пришел человек и попросил проверить его память. Человек - будем его называть Ш. - был репортером одной из газет, редактор отдела этой газеты был инициатором его прихода в лабораторию. Так как в одно прекрасное утро редактор раздававший поручения подчиненным заметил, что один из них ничего не записывает, (ведь список адресов и поручений был достаточно длинным). Редактор был готов сделать выговор невнимательному подчиненному, но Ш. по его просьбе в точности повторил все, что ему было задано. Редактор попытался ближе разобраться, в чем дело, и стал задавать Ш. вопросы о его памяти, но тот высказал лишь недоумение: разве то, что он запомнил все, что ему было сказано, так необычно? Разве другие люди не делают то же самое? Тот факт, что он обладает какими-то особенностями памяти, отличающими его от других людей, оставался для него незамеченным.

Александр
Лурия
misologia

Маленькая
книжка
о большой
памяти
Ум мнемониста

ozon.ru

- Психолог предложил Ш. ряд слов, чисел, букв, которые либо медленно прочитывал, либо предъявлял в написанном виде. Ш. внимательно выслушивал ряд или прочитывал его и затем в точном порядке повторял предложенный материал.
- После увеличения числа предъявляемых ему элементов не появилось никаких затруднений. Ш. не нужно было никакого заучивания, и, если ему предъявляли ряд слов или чисел, медленно и отдельно читая их, он внимательно вслушивался, иногда обращался с просьбой остановиться или сказать слово яснее. Обычно во время опыта он закрывал глаза или смотрел в одну точку. Когда опыт был закончен, он просил сделать паузу, мысленно проверял удержанное, а затем плавно, без задержки воспроизводил весь прочитанный ряд.

Опыт показал, что с такой же легкостью он мог воспроизводить длинный ряд и в обратном порядке.

- Ему было безразлично, предъявлялись ли ему осмысленные слова или бессмысленные слоги, числа или звуки, давались ли они в устной или в письменной форме; ему нужно было лишь, чтобы один элемент предлагаемого ряда был отделен от другого паузой в 2-3 секунды, и последующее воспроизведение ряда не вызывало у него никаких затруднений.
- Оказалось, что память Ш. не имеет ясных границ не только в своем объеме, но и в прочности удержания следов. Опыты показали, что он с успехом - и без заметного труда - может воспроизводить любой длинный ряд слов, данных ему неделю, месяц, год», много лет назад. Некоторые из таких опытов, неизменно кончавшихся успехом, были проведены спустя 15-16 лет после первичного запоминания ряда и без всякого предупреждения..

Исходные факты

- В течение всего нашего исследования запоминание Ш. носило непосредственный характер, и его механизмы сводились к тому, что он либо продолжал видеть предъявляемые ему ряды слов или цифр или превращал диктуемые ему слова или цифры в зрительные образы. Наиболее простое строение имело запоминание таблицы цифр, писанных мелом на доске.
- Ш. заявлял, что он продолжает видеть запечатлеваемую таблицу, написанную на доске или на листке бумаги, и он должен лишь «считывать» ее, перечисляя последовательно входящие в ее состав цифры или буквы.

Синестезии

- Ш. неоднократно замечал, что, если исследующий произносит какие-нибудь слова, например говорит «да» или «нет», подтверждая правильность воспроизводимого материала или указывая на ошибки, на таблице появляется пятно, расплывающееся и заслоняющее цифры, и он оказывается принужден внутренне «менять» таблицу. То же самое бывает, когда в аудитории возникает шум. Этот шум сразу превращается в «клубы пара» или «брызги», и «считывать» таблицу становится труднее.
- Синестезия – это способность при улавливании звуков видеть цветовые образы.

- Эти данные заставляют думать, что процесс удержания материала не исчерпывается простым сохранением непосредственных зрительных следов и что в него вмешиваются дополнительные элементы, говорящие о высоком развитии у Ш. синестезии.
- Если верить воспоминаниям Ш. такие синестезии можно было проследить у него еще в очень раннем возрасте.
- Явление синестезии возникало у Ш. каждый раз, когда ему давались какие-либо тоны, но еще более сложные явления возникали у него при восприятии голоса, а затем и звуков речи. У Ш. не было той четкой грани, которая у каждого из нас отделяет зрение от слуха, слух - от осязания или вкуса. Те остатки «синестезий», которые у многих из обычных людей сохраняются лишь в рудиментарной форме, оставались у Ш. основным признаком его психической жизни.

Синестезии

- Они возникли очень рано и сохранялись у него до самого конца.
- Значение этих синестезий для процесса запоминания объективно состояло в том, что синестезические компоненты создавали как бы фон каждого запоминания, неся дополнительно «избыточную» информацию и обеспечивая точность запоминания: если получалось что Ш. воспроизводил слово неточно, дополнительные синестезические ощущения, не совпадающие с исходным словом, давали ему почувствовать, что в его воспроизведении «что-то не так», и заставляли его исправлять допущенную неточность.

Слова и образы

- Когда Ш. слышал или прочитывал какое-нибудь слово, оно тотчас же превращалось у него в наглядный образ соответствующего предмета. Этот образ был очень ярким и стойко сохранялся в его памяти.
- Если же Ш. прочитывал длинный ряд слов, он должен был «расставлять» эти образы в целый ряд.
- Прочность образов давала Ш. возможность запоминать практически неограниченное число слов и сохранять их на неопределенное время. Однако такой способ запоминания приводил к некоторым затруднениям.
- Убедившись в том, что объем памяти Ш. практически безграничен, мы потеряли всякий интерес к попытке «измерить» его память; потому обратились к обратному вопросу: может ли он забывать и попытались тщательно фиксировать случаи, когда Ш. упустил то или иное слово из воспроизводимого им ряда.

Слова и образы

- Ш. не «забывал» данных ему слов; он «пропускал» их при «считывании».
- Достаточно было Ш. «поставить» данный образ в такое положение, чтобы его трудно было «разглядеть», например «поместить» его в плохо освещенное место, как при «считывании» расставленных им образов этот образ пропускался, и Ш. не замечал его.
- Пропуски, которые мы нередко замечали у Ш. (особенно в первый период наблюдений, когда техника запоминания была у него еще недостаточно развита), показывали, что они были не дефектами памяти, а дефектами восприятия, иначе говоря, они объяснялись известными особенностями зрительного восприятия (четкостью, контрастом и т.д.).
- Ключ к его ошибкам лежал, таким образом, в психологии восприятия, а не в психологии памяти.

Трудности

- При непосредственном образном запоминании у Ш. возникли естественные трудности. Эти трудности становились тем более выраженными, чем больше Ш. был принужден заниматься запоминанием большого и непрерывно меняющегося материала, так как стал работать профессиональным мнемонистом.

Эйдотехника

- Получая на сеансах своих выступлений тысячи слов, Ш. оказался принужден превращать эти ничего не значащие для него слова в осмысленные образы. Самым коротким путем для этого было разложение длинного и не имеющего смысла слова на ее составные элементы с попыткой осмыслить выделенный слог, используя близкую к нему ассоциацию.
- В основе этой работы, которая выполнялась им с удивительной быстротой и легкостью, лежала «симантизация» звуковых образов.

- Мы узнали, что для самого простого и легкого, по словам Ш., запоминания цифр, слов заменяло эту память памятью образов, что переход к запоминанию бессмысленных звуков или звукосочетаний заставлял его обращаться к приему синестезического запоминания «кодирования в образах».
- И все-таки эта память не та «эйдетическая» память, которая детально была изучена наукой 3-4 десятилетия тому назад.
- У Ш. вовсе нет той замены отрицательного последовательного образа положительным, которое является одной из отличительных особенностей «эдетизма», его образы обнаруживают неизмеримо большую подвижность.

И вместе с тем память Ш., несмотря на развитую им сложнейшую «эйдотехнику», остается разительным примером непосредственной памяти. Даже придавая сложные условные значения тем образам, которые он использует, он продолжает видеть эти образы, переживает их синестезические компоненты.

- Его исключительная память бесспорно, остается его природной и индивидуальной особенностью, и все те технические приемы, которые он применяет, лишь надстраиваются над этой памятью, а не «симулируют» ее иными, не свойственными ей приемами.*

Искусство забывать

- Мы подошли вплотную к последнему вопросу, который нам нужно осветить, характеризуя память Ш.
- Как научиться забывать? - вот в, чем вопрос, который беспокоит нас.
- На первых порах попытки создать «технику забывания», были очень простые: нельзя ли проделать акт забывания во внешнем действии - записать то, что надо забыть? Данный опыт не удался. Тогда Ш. пошел дальше; он начал выбрасывать, а потом даже сжигать бумажки, на которых было написано, что он должен был забыть. Однако «магия сжигания» не помогла.
- Проблема забывания, не разрешенная наивной техникой сжигания записей, стала одной из самых мучительных проблем Ш. И тут пришло решение, суть которого осталась непонятной в равной степени и самому, и тем, кто изучал этого человека.

- *«Однажды - это было 23 апреля - я выступал три раза за вечер. Я физически устал и стал думать, как мне провести четвертое выступление. Сейчас вспыхнут таблицы трех первых... Это был для меня ужасный вопрос... Сейчас я посмотрю, вспыхнет ли у меня первая таблица или нет... Я боюсь как бы этого не случилось. Я не хочу... И я начинаю думать: доска ведь уже не появляется, - и это понятно почему: ведь я же не хочу! Ага!.. Следовательно, если я не хочу, значит, она не появляется... Значит, нужно было просто это осознать!»*
- *Удивительно, но этот прием дал свой эффект. Возможно, что здесь сыграла свою роль фиксация на отсутствие образа, возможно, что это было отвлечение от образа, его торможение, дополненное самовнушением - нужно ли гадать о том, что остается нам неясным?*
Зато результат оставался налицо.
- *Вот и все, что мы можем сказать об удивительной памяти Ш., о роли синестезий, о технике образов механизмы которой до сих пор остаются для нас неясными*

*Спасибо за
внимание!*

Источники информации:

- Литература: Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Интернет портал «Психология на русском языке» <http://www.psychology.ru/library/00035.shtml>
- История психологии в лицах. Персоналии / под. ред. Л.А. Карпенко // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко. под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕР СЭ, 2005